

2. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж : ВГУ, 2007. Вып. 5. С. 78–86.

3. Олешков М. Ю. Речевая специфика фрейма в институциональном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. Вып. XII / под ред. д-ра филол. наук, проф. Т. Ю. Тамерьян ; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2010. С. 112–117.

4. Карасик В. И. Характеристики педагогического дискурса // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1999. С. 2–18.

5. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 324 с.

6. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

7. Куроедова М. А. Речевой портрет публициста : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 235 с.

8. Буравчикова Д. А. Речевой портрет современного журналиста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2009. № 1. С. 113–125.

9. Мкртчян Т. Ю. Речевое поведение журналистов в политическом теле- и радиоинтервью (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 181 с.

10. Болотнов А. В. Идиостиль информационно-медийной языковой личности: коммуникативно-когнитивные аспекты

исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. 405 с. URL: [http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/9BD26F71B8CD608546257F3B004BC3E9/\\$file/Болотнов_А.В._Диссертация.pdf](http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/9BD26F71B8CD608546257F3B004BC3E9/$file/Болотнов_А.В._Диссертация.pdf) (дата обращения: 08.09.2019).

11. Шаповалова Н. Г. Модель конфликтной языковой личности участника массмедийного дискурса (на материале радио, телевидения и Интернета) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 19 с. URL: http://www.sgu.ru/sites/default/files/dissnews/old/synopsis/_news_727_0.doc (дата обращения: 12.09.2016).

12. Шмелева Т. В. Авторское начало в стилистике медийного текста // Шмелева Т. В. Медийное речеведение : сб. статей. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569984_6705.pdf (дата обращения: 03.09.2019).

13. Малышева Е. Г. Дискурс российских спортивных СМИ: моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. 272 с.

14. Сластушинская М. М. Эволюция иронии в средствах массовой информации в России (на материалах журнала «Крокодил» за 1950–1963 гг. и газеты «Коммерсантъ» за 2005–2011 гг.) // SNU Journal. 2011. URL: <https://docplayer.ru/51818112-Evoluciya-ironii-v-sredstvah-massovoy-informacii-v-rossii.html> (дата обращения: 02.09.2019).

15. Олешков М. Ю. Лингвоконцептуальный анализ дискурса (теоретический аспект) // Дискурс, концепт, жанр : моногр. / отв. ред М. Ю. Олешков. Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. С. 68–86.

© Малышева Е. Г., 2019

УДК 811.161.1-112+801.8

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-100-104

ВНЕСИСТЕМНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В СТАРОРУССКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются семантические и функциональные особенности старорусских текстовых форм прошедшего времени, не вписывающихся в традиционную историко-грамматическую схему и позволяющих передать сложные сочетания планов прошедшего и настоящего времени, времени абсолютного и относительного, действия предельного и непредельного.

Ключевые слова: старорусский текст, агиография, формы прошедшего времени, грамматическая семантика.

Тематика и проблематика настоящей статьи связаны со становлением грамматической нормы русского литературного языка, одним из базовых признаков которой является система глагольных форм, в частности претеритов. Актуальность исследования определяется важностью переходных периодов в этом важнейшем историко-лингвистическом процессе. К таким периодам по праву относится старорусский этап развития русского литературного языка — период возникновения новых повествовательных жанров, новых

NON-SYSTEMIC PAST TENSE VERB FORMS IN THE OLD RUSSIAN TEXT

The article discusses the semantic and functional features of the Old Russian textual forms of the past, which do not fit into the traditional historical and grammatical scheme and serve to convey complex combinations of past and present tense, absolute and relative time, terminative and durative action.

Keywords: Old Russian text, hagiography, past tense forms, grammatical semantics.

возможностей передачи темпоральной семантики. Цель нашего исследования состоит в определении сущности текстовых старорусских глагольных форм с грамматической семантикой прошедшего времени, детерминированных особенностями жанра, языка и текста. Благоприятным материалом для историко-стилистического исследования являются жития, вошедшие в состав собрания Великих Миней Четиех: они охватывают весь старорусский период (конец XIV — XVI вв.), отражают присущие этому периоду сложные

взаимоотношения базовых для истории русского литературного языка категорий стиля, жанра, текста и нормы.

Проблема преобразования форм прошедшего времени как один из важнейших процессов в истории грамматической системы русского языка получила в языкознании относительно однозначную трактовку, согласно которой к XVI в. из живого языка (следовательно, в жанрах, созданных на основе этого языка) были устранены исходные претериты. В качестве нормативной формы выражения семантики прошедшего времени устанавливается перфект с опущенной связкой. При этом старые аорист и имперфект не исчезли бесследно: они являлись основным средством выражения в текстах книжной традиции либо выступали как средство придания высокого, торжественного звучания в соответствующих контекстах [1].

Однако как раз исследование этих контекстов, учитывающее оттенки грамматической семантики старых претеритов в новых условиях [2; 3], сделало очевидным несоответствие процесса утраты претеритов в парадигмах исторической грамматики (рассмотрение фактов с точки зрения системы, парадигмы) и истории русского литературного языка (рассмотрение фактов с точки зрения функций в тексте конкретного жанра, синтагмы). В результате оказалось, что в пределах текста сочетаются системные претериты, архаические для живого употребления, и текстовые внесистемные глагольные формы с семантикой прошедшего времени.

В исходной системе претеритов, как известно, основной формой для передачи завершенного действия, результаты которого относятся к плану прошлого, является аорист как наиболее определенная семантически форма. По этой причине он наиболее употребителен в текстах (или контекстах) повествовательных. Формы, семантика которых также связана с планом прошлого, — имперфект, перфект, презенс, перфект без связки — передают не столько время, сколько «образы действия». «Образы действия» — выражение Н. Бармела, используемое им при попытке соотнести грамматическую систему живого языка и грамматическую стилистику как стилистику «определенных форм, которая базируется на функциональной грамматике и грамматической семантике» [3, с. 176]. Исследователь рассматривает узуальное употребление форм аориста и имперфекта в текстах рубежа XV–XVIII вв., делая вывод об интенсификации имперфекта, в частности в контекстах, где актуальна длительность действия. Из этого следует, что системно утраченная вербальная форма способна к реактуализации в определенных жанровых, стилистических, текстовых условиях.

Из старых претеритов именно имперфект в силу исходного грамматико-семантического потенциала (продолженность действия, его многократность и повторяемость как следствие древней семантики глагольного вида) может быть средством передачи не столько последовательности действий, сколько различных качеств действия. Описанная семантическая специфика в нашем материале — житийных текстах старорусского периода — приводит к дальнейшему усилению атемпоральности данной формы в повествованиях о житийных событиях: *в то же время единь инокъ от братии слежаше боляи в кельи огнем жгомь* (ЖтФ. Л. 16 об.). В приведенном примере, кроме того, показателен

факт образования имперфекта от основы с семантикой определенности действия *слечи*.

В плане синтагматики характерно также употребление в текстах форм имперфекта с распространителями, выражающими завершенность действия: *И внезапно лукави бѣси яко дождевныя капля безчисленно сквозь стѣны градныя исчезааху* (ЖтМ. Л. 72 об.). Актуализатор в сочетании с имперфектом создает противоречивость между исходной семантикой неопределенности глагола и семантикой внезапности, быстрой смены событий.

Имперфект расширяет в исследуемых текстах сферу употребления, проявляющуюся в образовании различных составных форм с участием связочного глагола *быти*. Сложные формы представлены, с одной стороны, системными, стандартными сочетаниями имперфекта глагола *быти* с прилагательными либо страдательными причастиями: и ризы его *чьстѣны бяхоу* зело (ЖтФ. Л. 20); *незнаемь бяше* (ЖтМ. Л. 99 об.); *грѣдыни исполнени бяху* вельми (ЖтФ. Л. 30).

С другой стороны, в житиях XV в. необычайно активизируются внесистемные образования, грамматические «псевдоформы» [4] — сочетания имперфектной связки с краткими действительными причастиями настоящего времени: *бяше старцу повинуюся* (ЖтКБ. Л. 94); *Кириль... радуюся бяше* (ЖтКБ. Л. 62); *тѣмь себѣ святѣи нужную кормлю управляя бяше* (ЖтФ. Л. 26 об.); *надорожно бо бѣаше мѣсто то между езеры и лѣсы непроходны и зверіе бяху мнози живуце окрест вселения святого* (ЖтФ. Л. 28); *пробывающу бяху в трудахъ* (ЖтФ. Л. 28). В исторической стилистике грамматическая семантика таких «псевдоформ» не получила однозначного толкования. Их функции чаще всего сводятся к роли составного именного сказуемого в аористном значении [5, с. 124]. Однако такой взгляд представляется упрощенным и, на наш взгляд, не позволяет раскрыть сущность узуальных процессов в пределах книжной разновидности русского литературного языка.

Думается, неправильно было бы сводить «псевдоформы» к неустойчивости грамматической системы или излишней архаизации языка письменности рассматриваемого периода. Вместе с тем нельзя не констатировать искусственность данных форм, вызванную сопротивлением «профанному» перфекту без связки и стремлением хотя бы внешне сохранить «сакральный» облик текста, тем более текста агиографического. Приведенные примеры содержат связку при причастных формах. Учитывая нормативность употребления действительного причастия в роли сказуемого еще в древнерусский период, употребление связки можно отнести к случаям грамматического плеоназма.

Связочные конструкции в системе старорусского языка частотны и продуктивны: встречаются как конструкции, образованные формами причастий либо прилагательных со связкой, так и сложные формы претеритов — перфекта и плюсквамперфекта. Продуктивность этих системных форм в книжном языке рассматриваемого периода может служить основанием для проведения аналогий между формами системными и асистемными. Последние встречаются, по наблюдениям М. Н. Шевелевой, в «северо-западных и провинциальных северо-восточных текстах» XV в., в частности в Житии Евфросина Псковского [4, с. 141–142].

Грамматическая семантика этих форм в контекстах обнаруживает общность с повторяемостью, продолженностью действия, сближая данные формы с имперфектом и глаголами настоящего времени. Тем не менее старорусские книжные тексты демонстрируют авторское предпочтение форм аналитических системным синтетическим, что наводит на мысль о гиперкорректной грамматической сущности этих явлений как имеющих наиболее явно выраженный книжный статус.

Подобные гиперкорректные формы частотны в творчестве Пахомия Логофета (см. об этом [5, с. 124]). Скорее всего, аналогией с авторской манерой и безусловной авторитетностью сербского агиографа можно объяснить их широкое применение в вологодских агиографических текстах — в житиях Фералонта и Мартиниана, исследование которых показывает значительную степень влияния авторской манеры Пахомия, в частности проявившейся в созданном им Житии Кирилла Белозерского.

Еще один вид аналитических «псевдоформ» — сочетание связки (имперфект глагола *быти*) и инфинитива: *в монастыри же б^{яше} обычно по келиям не молвиту слова* (ЖтМ. Л. 301). Анализ грамматической семантики этих форм в контекстах позволяет отметить сближение подобных конструкций с формами выражения безличных по значению системных сложных форм, часто встречающихся в Житии Кирилла Белозерского наряду с системными: *как^о б^{яше} матери утолвиту печали и скорби* (ЖтКБ. Л. 278).

Третья группа асистемных связочных конструкций представляет собой сочетания имперфекта *быти* с глагольными формами в имперфекте, при этом категория числа в связке и знаменательном глаголе может отличаться непоследовательностью: *людие же трус земной яко знамение б^{яше} н^{яшу}* (ЖтФ. Л. 89); сочетание имперфектной связки с формами презенса: *достогаша веси иде же родителие его б^{яху} живутъ* (ЖтМ. Л. 198); сочетание связки с глаголом в аористе: *яко не токмо б^{яше} честное его т^{ѣло} ц^{ѣло} и здраво с^{ьблюдеса} но и одежда* (ЖтФ. Л. 24). Последний пример интересен в плане потенциальной интерпретации асистемной формы как контаминации синтагм: *т^{ѣло} его б^{яше} ц^{ѣло} и здраво и т^{ѣло} его ц^{ѣло} и здраво с^{ьблюдеса}*. И в целом, строго говоря, механизм всех рассмотренных псевдоаналитических форм можно связать с процессами контаминации составных именных сказуемых и аналитическими формами глаголов со связками. О функции подобных образований как способа придания повествованию стилистически книжного ранга уже сказано выше.

В то же время, если соотнести рассматриваемые конструкции с современным синтаксисом, то логично предположить их функционально-грамматическую близость предикатам с модальным словом *бывало*, выступающим в роли вводного и характерным преимущественно для народно-разговорной речи. В связи с этим обстоятельством, отнюдь не случайным, представляется сохранение связочных конструкций, близких древнему перфекту, в современных северо-западных говорах [4]. Синтаксически имперфектные связки типа *б^{яше}*, *б^{яху}* служат актуализации события в его длительности, повторяемости, субстанциальности.

Подводя предварительные итоги исследованию асистемных текстуальных претеритов, близких формально исходным аналитическим, отметим их семантическую маркированность относительно нейтральной повествовательной формы прошедшего времени — аориста. Аорист сохранялся еще в XVI в. — как грамматическая форма, потенциально способная передать самые разные значения, в частности перфекта [6]. Аорист представлял собой повествовательный предикативный каркас для текстов разнообразных жанров. А поскольку агиография старорусского периода отличается от более ранних этапов своего существования, наряду с исходной атемпоральной событийностью, актуальной нарративностью повествования, требовались новые формы выражения этой событийности в тексте. Форма древнего имперфекта уже в XII в. утрачивает значение абсолютного времени: «многообразие его функций свидетельствует о том, что собственно темпоральной семантики у него не сохранилось» [6, с. 441].

С XV в. в русском историческом повествовании наряду с аористом важную роль играет и презенс. На примере «Сказания о Мамаевом побоище» В. В. Колесов показывает высокую степень актуализации форм настоящего исторического, выражающих последовательность действий в прошлом — в аористном значении единичного и законченного действия в прошлом [6, с. 445]. При этом активизацию презенса в этой функции ученый связывает с влиянием на историческое повествование разговорной речи.

В исследуемых житийных текстах распределение форм аориста, имперфекта и презенса иное. Основным повествовательным (информационным) временем по-прежнему является аорист, передающий значение определенного, законченного действия. Имперфект выступает как форма относительного времени, выражая действие длительное, повторяющееся, обычное. Однако узальная система претеритов в рамках старорусского текста предстает в семантически и коммуникативно осложненном виде: относительная темпоральность усиливается и дифференцируется за счет форм презенса. Настоящее время является одновременно и неопредельным, имперфективным, и основным коммуникативным временем.

В современной функциональной грамматике наряду с разнообразными значениями презенса особо рассматривается форма «настоящего исторического», продуктивная в разных жанровых формах литературного языка («настоящее биографическое», «настоящее мемуарное», «историческое повествование» и др.). Особенно важной для нашего исследования представляется характеристика условий реализации данных форм, данная А. В. Бондарко: конкретные события, данные в их последовательности в пределах полипредикативных конструкций [7].

Причины активизации повествовательных вербальных форм «настоящего исторического» в языке жанров, традиционно относящихся к сфере «сакрального», на наш взгляд, следует искать не во влиянии живой речи, а в книжной традиции повествовательных жанров. Это предположение подтверждает анализ повествовательных частей исследуемых нами агиографических текстов, в особенности житий второй половины XV–XVI вв. — Жития Иосифа Волоцкого, Житие Павла Обнорского и др. Тексты, созданные

под патронатом митрополита Макария в середине XVI в., отличаются пристальным вниманием авторов к реальным историческим фактам. Эти события (набеги удельных князей, проезд в обитель великих князей, борьба с еретическими движениями, природные катаклизмы и проч.) лишены раз подтверждают святость героев и их право на причисление к лику святых. Тогда как в ненарративных частях житий (риторические вступления, похвальные слова, молитвы, поучения) данные формы практически исключены в силу их жанровых интенций.

Чтобы раскрыть особенности грамматической семантики презенса в старорусских житиях, перейдем к ее реализации в определенных контекстах. Анализ показывает, что семантика форм «настоящего исторического» зависит от характера передаваемых действий и репрезентирована в двух разновидностях грамматических конструкций: 1) смена законченных действий, часто внезапная: *и пришедь сътвори потребнаа и се видитъ жену* (ЖтМ. Л. 205); *егда доиде места писанного во икошь ...абие слышитъ глас глаголющъ* (ЖтКБ. Л. 298); 2) простая последовательность действий: *лукавии бѣсове яко дождевныя капля бесчисленно сквозь стѣны градныя исчезаху и бѣжаще вопиють* (ЖтДП. Л. 83); *и се довлаше же ему таковаа яко усердію души но късимъ исходить от среды и нечистоты мира утверждаетъ стопы на путь заповѣдей божихъ оставляетъ з домом и родителей сладкую любовь* (ЖтПБ. Л. 65).

В первом случае важна внезапность смены событий, которая в приведенных примерах подчеркивается актуализаторами *и се, абие*, сообщающими действию интенсивность и законченность и приближающими грамматическую семантику презенса к аористу, что эксплицировано также в последовательности этих форм (аорист — презенс): *сътвори — видитъ, доиде — слышитъ*.

Во второй группе примеров действия представлены как смена событий. Семантика презенса в контекстах здесь неопределенна: либо выражается действие незаконченное, обычное (как это часто бывает с бесами), либо законченное, предваряющее некий бесовской речевой акт. В любом случае грамматически это время относительное, близкое семантике имперфекта, что подчеркивается последовательностью форм имперфекта и презенса: *исчезаху — вопиють, довлаше — исходить, утверждаетъ, оставляетъ*.

Вполне закономерно поэтому, что такого рода сочетания и последовательность претеритов характерны для фрагментов именно повествовательных житийных частей «О пострижении», «Об устройении обители», «О прогнании бесов» и др.: *онъ же с смириемъ главу преклонивъ и абие облачи его въ иноческыи образъ, и тако отлагаетъ власи главы своя* (ЖтМ. Л. 53); *и таковаа величанія избѣжа святыхи и всеконечнъ оставляетъ отечество свое сего ради изыде из Переяславля* (ЖтДП. Л. 84); *и старецъ Арсении достигаеъ обитель святого чудотворца...а на обитель глагола* (ЖтИВ. Стб. 496). Кроме того, к качественной и функциональной характеристике форм «настоящего исторического» следует добавить, что последовательность времен отражает актуализирующую функцию презенса, который «приближает» прошлое событие к читателю, оказывает большее воздействие именно продолженностью (акцио-

нальностью), незавершенностью как специфической чертой своей грамматической семантики.

Темпоральная неопределенность, актуализация действия, важного для создания образа святого, как качественные характеристики презенса, позволяют говорить о близости грамматической семантики форм этой формы отвлеченным приглагольным существительным. Эта близость состоит в акциональности и становится особенно явной при анализе заголовков композиционных частей некоторых позднейших списков старорусских житий. Настоящее историческое в них конкурирует с отвлеченными существительными: *О рождении Александра Чудотворца...*, *О посте, молитве и хождении святого в церковь...*, *Об отхождении святого из дому...*, *Остается преподобный въ Монастырь...*, *О преселении родителей святого...*, *Подвизается святыи, Помышляетъ Преподобныи, Отпускается...*, *Приходить...*, *Указуетъ...*, *Осматриваетъ...*, *Возвращается...*, *Жительство преподобнаго...*, *Побеждает...*, *О преставлении родителей...*, *Бьсовскаа на святого нападения и мужественное с ними борение и одолѣние...*, *О преставлении Преподобнаго* (ЖтАО). В данном случае сложно установить критерии, влияющие на предпочтение существительного глаголу и наоборот. С относительной определенностью можно лишь отметить семантическую зависимость: в выражении жизненных вех (рождение, смерть) выбор решается в пользу имени.

С точки зрения истории русского языка как естественно-исторического процесса узуальные формы презенса в какой-то степени заменяли ставшие в живом языке архаическими формы аориста и имперфекта, в особенности последнего — в силу семантической близости этих форм. Имперфект в исходной системе претеритов выражал действия, обычно происходившие, либо действия повторявшиеся, многократные, а значит, актуальные. Актуальность передаваемых имперфектом событий выявляется при анализе повествовательных текстовых конструкций, в которых эта форма следует за аористом, причастными оборотами или одиночными причастиями. Для повествования в древнерусских летописях характерна активизация имперфекта в описанной функции. Такие повествовательные формы исследователем П. В. Петрухиным отнесены к разряду «консекутивного имперфекта». «Древнерусские писцы использовали имперфект вместо аориста вопреки сложившейся в нашем лингвистическом сознании зависимости древних претеритов и вида. Древнерусские писцы умели определять именно тот тип прагматического контекста, в котором по нормам книжного языка допускалось использование консекутивного имперфекта» [8, с. 235].

В связи с этим обстоятельством замену консекутивного имперфекта формами презенса как яркую черту глагольного повествования старорусских житий можно объяснить также влиянием летописной традиции конца XIV — середины XVI в.

Итак, активизации форм «настоящего исторического» способствовали как системно-исторические процессы (изменения в исходной системе претеритов, вызванные сокращением старых форм и заменой их перфектами без связи при передаче оттенков действия), так и тенденции, относящиеся к узусу житийного повествования

старорусского периода (активизация форм, исходно относящихся к языковому арсеналу исторического повествования, предположительно византийского происхождения). Так возникает своеобразная синтаксическая и семантическая временная перспектива агиографического повествования, состоящая в сложном переплетении времени абсолютного и относительного, действия законченного и вечного, событий прошлых и настоящих. В процессе передачи актуальных смыслов становились возможными также различные узуальные гиперкорректные формы, которые следует трактовать как факты переходной книжной грамматической нормы.

1. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. : учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
2. Прокопова Т. И. Глагольная категория времени // Древнерусский язык домонгольской поры : Межвуз. сб. / ред. В. В. Колесов. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 52–74.
3. Бармел Н. Стилистические и дискурсивные факторы в развитии глагольных видов древнерусского языка // Историческая стилистика русского языка : сб. науч. тр. / редкол: З. К. Тарланов (отв. ред.) [и др.]. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1998. С. 164–178.
4. Шевелева М. Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом БЫТИ и их диалектные соответствия (к вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 135–155.
5. Иванова М. В. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного

языка. М. : Можайский полиграфический комбинат, 1998. 232 с.

6. Колесов В. В. История русского языка : учеб. пособие для филолог. фак. вузов. М. : Академия ; СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2005. 669 с.

7. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. 260 с.

8. Петрухин П. В. Syntaxis verbi: консекитивный имперфект в ранних восточнославянских летописях // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 219–238.

Источники

ЖТАО — *Житие Александра Ошевенского* // Библиотека Академии наук (БАН). Ал.-Свирск. собр. № 13. Л. 1–80. XIX в.

ЖТДП — *Житие Дмитрия Прилуцкого* // Российская национальная библиотека (РНБ). Соф. собр. № 1320. Л. 78а–88. XVI в.

ЖТИВ — *Житие Иосифа Волоцкого* / Редакция Саввы Черного // Великие Минеи Четы (ВМЧ). Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 453–492.

ЖТКБ — *Житие Кирилла Белозерского* // РНБ. Соф. собр. № 1361. Л. 285–337. XVI в.

ЖТМ — *Житие Мартинана* // РНБ. Соф. собр. № 467. Л. 49–97 об. XVI в.

ЖТПБ — *Житие Пафнутия Боровского* // РНБ. Соф. собр. № 1321. Л. 64–80. XVI в.

ЖТФ — *Житие Ферапонта* // РНБ. Соф. собр. № 467. Л. 14–48. XVI в.

© Рогожникова Т. П., 2019

УДК 811.16

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-104-107

СЕМАНТИКА АББРЕВИАТУР В ВОСПРИЯТИИ ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ (по результатам анкетирования)

В статье представлены результаты анкетирования учащихся средних общеобразовательных школ, посвященного изучению восприятия аббревиатур русского языка в полилингвальном пространстве. В работе рассматриваются трудности при расшифровке респондентами исследуемых языковых единиц вне контекста и причины их возникновения, которые обусловлены структурой аббревиатуры, в частности количеством ее компонентов; многозначностью, незнанием составных частей сложных наименований; смешением паронимов.

Ключевые слова: анкетирование, восприятие и идентификация языковых единиц, респонденты, интернациональные и национальные аббревиатуры, компоненты аббревиатур.

SEMANTICS OF ABBREVIATIONS IN PERCEPTION OF HIGH SCHOOL STUDENTS (Results of Questionnaire)

This article presents the results of student questionnaire in secondary schools devoted to the study of the perception of abbreviations of the Russian language in a multilingual area. The research represents the difficulties in decoding by the respondents of the studied language units out of context and the reasons for their occurrence, which are caused by the structure of the abbreviation, in particular the number of its components; polysemy, ignorance of the components of complex names; a mixture of paronyms.

Keywords: questionnaire, perception and identification of linguistic units, respondents, international and national abbreviations, components of abbreviations.

Д. В. Садиева
D. V. Sadiyeva